

Аотянь не притронулся к свиткам, которые принес Мадара. Вместо этого он, подражая шиноби, молча наблюдал за тем, как Су Цзи один за другим разворачивает их, пробегая глазами по строчкам.

— Бан-е, я решительно ничего не понимаю, — Су Цзи широко распахнул глаза, стараясь придать лицу максимально невинное и беспомощное выражение.

В душе он взывал к небесам. С его-то «идеальным» бэкграундом он должен был знать всё: от мертвых языков до двоичного кода, который его мозг с легкостью преобразовывал в текст. Но сейчас, в этой роли, ему приходилось прикидываться полным дураком, не способным разобрать ни слова.

«Бан-е?! Что это ещё за обращение?»

Мадара окинул Су Цзи нечитаемым взглядом, затем перевел зор на Аотяня. Убедившись, что и тот выглядит озадаченным, он невольно вздохнул. Ему всё чаще казалось, что с такими гостями он состарится раньше времени.

Не став придирааться к странному титулу, Мадара подошел к груде свитков, выбрал один и развернул его перед ними. Делать было нечего — пришлось начинать с самых азов, терпеливо разъясняя каждое понятие.

Он рассказывал о возникновении чаккры, об основании Ниншу и о Мудреце Шести Путей. Единственное, о чем он умолчал — это история Ашуры и Индры.

Аотянь и Су Цзи слушали его, затаив дыхание. И хотя они прекрасно знали всё, что он говорил, голос Мадары буквально завораживал их. В будущем это станет еще одним поводом для их фанатских восторгов — сам Мадара читал им лекции!

Когда речь заходила о Ниншу, об Учиха и о ниндзюцу, Мадара загорался внутренним огнем. В этой уверенности, в этой силе, исходящей от него, было нечто такое, от чего невозможно было отвести взгляд.

Впрочем, даже желая удовлетворить любопытство Су Цзи, Мадара ни словом не обмолвился о секретах их глаз. Это было священное достояние клана, их уникальное додзюцу. Но как бы ни был силен Шаринган, цена его пробуждения и развития — те трагедии, что служили толчком к эволюции, — заставляла Мадару относиться к этой силе со смешанными чувствами.

Если Шаринган станет достаточно могущественным, чтобы защитить всё, что ему дорого, — пусть будет так. Но вместе с мощью Шаринган приносил и проклятие: алчность тех, кто жаждал заполучить его любой ценой.

Стоило Мадаре подумать о том, что кто-то может посягнуть на глаза его соплеменников, как

внутри него вскипала ярость. К счастью, в нынешнюю эпоху войн клан Учиха был настолько велик и грозен, что мало кто осмеливался даже помыслить о подобном.

Разве что извечные соперники — Сенджу. Но, зная Хашираму, Мадара был уверен, что тот на такое не пойдет. А вот насчет остальных членов его клана он бы не поручился.

«Когда же закончится эта бесконечная война?»

Мадара говорил долго, то и дело смачивая горло водой. Наконец он закрыл очередной свиток и потянулся за следующим, как вдруг тишину комнаты нарушил отчетливый, мелодичный дуэт.

«Ур-р-р... Ур-р-р...»

Аотянь и Су Цзи сконфуженно переглянулись и синхронно опустили головы. Опозориться перед своим кумиром, когда у тебя в животе поют киты — это было выше их сил. Что он о них подумает? Что они какие-то вечно голодные бродяги?

Впрочем, винить их было не в чем. Скучный завтрак давно переварился, обеда не было вовсе, а на дворе уже всю хозяйничал вечер.

Только сейчас Мадара осознал, сколько времени прошло. Глядя на смущенно уткнувшихся в пол гостей, он невольно смягчился.

— Моя оплошность. Я пойду приготовлю нам ужин.

— Приготовишь? — вырвалось у Су Цзи.

Он не ослышался? Неужели сам Учиха Мадара, тот самый пафосный и могущественный «Бог шиноби», собирается встать у плиты? Это зрелище обещало стать восьмым чудом света.

Аотянь выглядел не менее потрясенным. Учиха считались аристократией мира ниндзя, а Мадара был их наследным принцем. Разве вокруг него не должна крутиться свита слуг? Даже если отбросить сословные предрассудки, неужели у них нет повара?

Представить папашу Таджиму или самого Мадару в милом фартучке на кухне... Нет, воображение отказывалось рисовать подобную картину.

Мадара не обратил внимания на их остолбенение. Он поднялся и направился к выходу. Учиха Таджима, распорядившись поселить гостей в этом отдельном дворе, позаботился о том, чтобы здесь было всё необходимое. Его старший сын должен был жить здесь, присматривая за подозрительной парочкой, и Таджима не хотел, чтобы Мадара в чем-то нуждался.

Для самого Мадары это было привычным делом. В редкие минуты затишья он любил приготовить что-нибудь вкусное для себя и младшего брата — это помогало забыть о суровых буднях на поле боя, где приходилось довольствоваться сухим пайком или безвкусными пиллюлями военного рациона.

Если на войне солдат может выжить на одних пиллюлях, то в мирное время Учиха, знавшие толк в хорошей еде и комфорте, старались не истязать себя без нужды.

Когда Мадара уже почти дошел до порога, Су Цзи спохватился.

— Бан-е!

Он обернулся, вопросительно приподняв бровь.

— Да?

— Ой, да ничего особенного... Просто хотел сказать: оставьте это, позвольте нам всё сделать!

С этими словами Су Цзи решительно закатал рукава и ощутимо пихнул Аотяня в бок.

— Чего застыл? Живо на кухню!

Аотянь бросил на него укоризненный взгляд, но спорить не стал. Он и сам собирался предложить помощь — было бы верхом наглости позволить их кумиру прислуживать им в доме, который он же им и предоставил. К тому же, смотреть на Мадару у плиты было выше их сил.

Кулинария для них двоих была делом привычным. Су Цзи в свое время потратил немало усилий, изучая кухню разных стран, чтобы однажды занять место «личного повара» Саске. Аотянь же, привыкший к холостяцкой жизни, за долгие годы успел набить руку в приготовлении самых разных блюд.

Видя такой энтузиазм, Мадара, немного подумав, уступил.

Кухня наполнилась звуками нарезаемых овощей. Су Цзи и Аотянь ломали голову над тем, как из имеющихся скромных продуктов сотворить нечто достойное императорского стола. В итоге, решив не переводить продукты на изыски, они остановились на легких закусках и классическом рамене — блюде, которое всегда попадает в цель.

После ужина Мадара вышел во двор размяться. Су Цзи и Аотянь, подперев щеки ладонями, завороженно наблюдали за тем, с какой грацией он тренируется с кунаями и шурикенами. В их мыслях шел нескончаемый поток восторженных комментариев.

Когда гости наконец улеглись спать, Мадара окружил двор барьером и под покровом ночи отправился в главное поместье клана.

Учиха Таджима еще не спал — он был занят распределением задач на ближайшие дни. Мадара постучал и, дождавшись разрешения, вошел.

— Отец, я пришел доложить.

Таджима отложил свитки и поднял на сына усталый взгляд:

— Мадара. Что скажешь о тех двоих?

— Судя по сегодняшнему общению, они и впрямь не из наших краев.

— Не из наших?

— Они ничего не знают о мире шиноби. Никогда не слышали ни о кланах ниндзя, ни о чаккре, ни о ниндзюцу. При этом они свободно говорят на нашем языке, но совершенно не понимают письменность. И еще... еда. То, как они готовят, не похоже ни на что, что я пробовал раньше.

В памяти Мадары всплыл сегодняшний ужин — рамен был невероятно ароматным, а его вкус — насыщенным и непривычным.

Слова сына заставили Таджиму задуматься. Разведчики доложили, что парочка появилась буквально из ниоткуда, на самой границе земель клана Учиха. Ни Сендзю, ни другие кланы в последнее время не проявляли подозрительной активности в этом районе. Это не могло не настораживать.

Таджима велел сыну продолжать наблюдение и отпустил его отдыхать.

Покинув кабинет отца, Мадара намеревался пойти к себе, но мысли о младшем брате, которого он не видел весь день, заставили его свернуть с пути. Будучи «братозависимым» в терминальной стадии, он не мог просто лечь спать, не убедившись, что с Изуной всё в порядке.

«Не скучал ли он? Хорошо ли укрыт?»

Сам не замечая как, он подошел к комнате брата. Мадара замер у порога. Уже поздно, стоит ли его тревожить? Но беспокойство взяло верх. Он осторожно приоткрыл дверь.

Изуна не спал. Весь день он места себе не находил, не видя брата. Он порывался спросить отца, но, видя, как тот занят, возвращался в свою комнату — он не хотел быть обузой.

Услышав шорох, Изуна не пошевелился. Он знал, что на земли клана Учиха только один человек может войти к нему так тихо и уверенно. Тот, кому он доверял безраздельно. Когда знакомая тень склонилась над ним, поправляя одеяло, Изуну накрыло волной обиды и облегчения одновременно.

Обычно Мадара всегда предупреждал, если уходил на задание. В этот раз он исчез молча.

— Брат... — тихо позвал Изуна, открывая глаза. В его голосе сквозила затаенная грусть.

Мадара вздрогнул.

— Изуна, ты не спишь?

Едва он успел договорить, как брат рывком сел и уткнулся ему в грудь.

— Я не видел тебя целый день, — пробормотал он, шмыгая носом.

— Прости, — Мадара крепко обнял его, поглаживая по спине. — У меня было особое поручение.

Если бы не необходимость следить за Су Цзи и Аотянем, он бы никогда не стал ничего скрывать от брата.

— Тогда останься сегодня со мной, — Изуна поднял голову, глядя на него с надеждой.

— Хорошо. Спи, я буду рядом.

Глядя на покрасневшие глаза брата, Мадара не смог отказать. Он уложил Изуну, укрыл его вторым одеялом и прилег с краю.

— Ты не уйдешь, как только я усну? — прошептал Изуна, вцепившись в его рукав.

— Не уйду. Обещаю. Теперь спи.

Изуна облегченно закрыл глаза. Убедившись, что брат действительно остался, он наконец провалился в глубокий, спокойный сон.